

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПСИХОАНАЛИЗА (ПОПЫТКИ ДИАГНОСТИКИ И ЛЕЧЕНИЯ)

А.В. Оболонский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: *Статья посвящена аналитическому обзору психоаналитического и иных психологических подходов к описанию и преодолению этнополитических конфликтов в России и других постсоветских странах. Широко используются материалы многонациональной группы исследователей International Dialogue Initiative и научные труды ее членов. Подробно рассматривается понятие психологической травмы, а также присущий обществам периода транзита феномен посттравматического синдрома. Национальная вражда рассматривается на базе ряда примеров через призму психоаналитической концепции «избранной» травмы. Значительное внимание уделено психологическим аспектам лечения этнотравм. В этом плане рассматривается позитивный аспект отношения к прошедшим войнам как к общей, но уже пережитой, оплаканной и похороненной травме, что, с точки зрения психоанализа, способствует ее адаптивному переживанию и трансформации в общественном сознании, а, в конечном счете, и примирению между бывшими врагами. Одним из ключевых факторов для этого является разработанная выдающимся психоаналитиком В. Волканом концепция универсальной человеческой потребности иметь как врагов, так и союзников.*

Ключевые слова: *психоанализ, история, психологическая травма, посттравматический синдром, национальная вражда, историческая вина, война, примирение, союзники.*

В основе статьи лежат мои публикации в журнале «Общественные науки и современность», а также в коллективной монографии многонациональной группы психологов, изданной в Оксфорде. Однако в силу драматической актуальности темы я решил еще раз обратиться к ее морально-психологическим аспектам и познакомить читателей журнала со взглядами на нее ведущих мировых психоаналитиков, подходы которых я не полностью разделяю, но считаю весьма важными и ценными для более глубокого понимания проблем этого рода и путей хотя бы частичного их мирного разрешения. А цепь трагических событий, разворачивающихся с 24 февраля 2022 года, придают этой проблематике особую остроту и актуальность. Для меня, как и для многих, они стали сильнейшим шоком и ударом по всему, во что я верил и пытался реализовать в профессиональной, да и вообще публичной жизни, по прежнему.

ним представлениям о морали лиц, принимающим в высшей степени ответственные, судьбоносные решения, а также тех, кто их воплощает в трагическую реальность и «молчаливого большинства», индифферентно наблюдающего за происходящим как бы якобы их не касающимся. И с новой остротой встал вопрос о роли и моральной ответственности ученого в судьбоносные моменты истории. Вопрос, который я адресую и лично к себе и на который для себя не нашел приемлемого и соответствующего моим возможностям ответа.

Мысль о неудобстве и даже опасности «интересного времени» для повседневной жизни обычных людей идет еще от Конфуция. Она многократно воспроизводилась в разных версиях, в том числе, применительно к XX веку. (Лично я с ней не вполне согласен, но к теме статьи это отношения не имеет.) И она вдвойне справедлива для периодов транзита, через который на рубеже тысячелетий проходили, а в психологическом плане во многом и до сих пор проходят посткоммунистические общества Восточной Европы и Россия. В этом контексте в статье предполагается обсудить *морально-психологические аспекты межэтнических конфликтов* и коллизий данного времени и места. И Россия, разумеется, главный объект. В данном случае автор не счел нужным разделять моральные и психологические факторы в силу их тесного переплетения. В плане же методологическом я буду опираться прежде всего, на идеи и подходы психоаналитического плана, выработанные в течение ряда лет международной и междисциплинарной группой исследователей International Dialogue Initiative (IDI). О ней, в качестве информационного введения к последующему, следует сказать особо.

Группа была образована в 2007 году по инициативе ведущего американского психоаналитика, „живого классика“, урожденного турка киприота Вамика Волкана¹. Он привлек к сотрудничеству несколько крупных американских психологов, в том числе Френка Очберга, Джерри Фромма, Эда Шапира, Форда Роузена, британского психиатра, члена Палаты Лордов Джона Олдердайса, израильского психотерапевта Роби Фридмана, турецкого психолога Кадира Севика и политолога Дениз Арибоган, иранского эмигранта, экономиста и широкого плана бизнес консультанта Биджана Хаджепура, и несколько других человек. Из россиян в группу вошли автор статьи и социолог Анатолий Голубовский. Постепенно она несколько расширилась, и сейчас, наряду с несколькими мирового класса учеными в психологии и сопряженных с ней областях, в нее входят политические консультанты и практики из разных стран. До ковидных времен мы встречались в ежегодном режиме, не оговоря постоянных контактах в интернете. Избегну соблазна перечислять научные достижения и политические заслуги членов организации, это заняло бы не одну страницу. Желаящих узнать больше отсылаю к нашему сайту: www.internationaldialogueinitiative.com/about-us/. Скажу лишь, что это сообщество уникально по своему составу и интеллектуальному вкладу в различные социальные науки и практику (прежде всего, но не исключительно, в области психологии), а некоторые ее „отцы-основатели“ также сыграли важную роль в практическом разрешении таких сложнейших конфликтов, как израильско-египетский и межконфессиональный североирландский. И работа в нем – серьезный интеллектуальный вызов для каждого ее участника, даже если он, как в моем случае, не полностью разделяет психоаналитический взгляд на человека и его поведение.

Миссия IDI – понять психологические основы барьеров, мешающих мирному разрешению межнациональных и межкультурных конфликтов и через достигнутое понимание облегчить их преодоление. Что включает в себя нарративы эмоционального описания динамики международных отношений и событий, стремление к пониманию психологии и этики воспринимаемых в качестве чужаков, «других», и, как один из ключевых моментов, анализ психологической специфики *посттравматических состояний*, связанных, в частности, с *кризисом национальной*

¹ Его еще называют Леонардо да Винчи психотерапии и психоанализа. Он был советником ряда глав государств и политических лидеров при подготовке важнейших и вошедших в политическую историю соглашений между сторонами конфликтов.

и иной групповой идентичности² и т. д. Или, коротко говоря, психологический анализ эмоциональных аспектов исторических и иных конфликтов между большими группами, сформировавшимися по этническому либо иному устойчивому критерию.

Феномен посттравматического общества

Мы в современной России живем в состоянии произошедшей и до сих пор переживаемой серьезной травмы национального сознания и психологии. То, что многими это не осознается, ситуации не меняет, а даже ее ухудшает, поскольку препятствует излечению травмы. В таком положении мы отнюдь не уникальны. Все общества, пережившие войну или крушение политических режимов, проходят через подобное. В той или иной мере это относится не только к России, но и ко всем посткоммунистическим странам Восточной Европы. Однако наша ситуация сложнее и тяжелее. И дело не только в длительности советского режима и не в количестве его жертв, а в том, что последствия его не изжиты даже на субъективном, психологическом уровне (о других сейчас не будем), что мы как общество далеки от их психологического преодоления, от излечения посредством формирования в коллективном национальном сознании адекватной памяти о прошедшем и соответствующего к нему отношения. Такое наше межеумочное состояние хорошо описал А. Эткинд. [Эткинд 2016]. Вот несколько фрагментов из его книги. «Если палачи не осуждены, потерпевшим не возмещены убытки, преступные институты не запрещены и не возведены памятники жертвам, память о катастрофе приобретает особые формы» [Там же: 66]. «В СССР те же люди и институты, которые организовывали массовое насилие, позже разоблачили его. Уникальная ситуация – преступному режиму пришлось самому разоблачать себя» [Там же: 56–57]. Отсюда наша принципиальная разница и с постнацистской Германией, и с постсоветскими странами Европы и Прибалтикой³, а также с Грузией. Не говоря уж об Украине и происходящих там сегодня трагических событиях. Все это представляется критически важным также и для анализа и понимания серьезных психологических издержек наших 90-х и реформ того периода, о чем мне приходилось писать [Оболонский 2018: 47–57]. Представляется, что мы имеем дело с эффектом *посттравматического не только общества, но и государства*.

С точки зрения современной теории психоанализа, коллективное сознание общества для своего излечения должно пройти через полноценное признание факта травмы, должно «оплакать» жертвы и потери, испытать чувства подлинного траура по ним. Понимание масштабов и ужаса, совершенных от лица государства коллективных преступлений против человечности, должно глубоко укорениться в общественном сознании. Иначе травматический стресс не может быть преодолен, и, хуже того, это, в частности, может психологически легитимировать допустимость насилия и, соответственно, насильственных действий по отношению к различным «другим» и в сегодняшней жизни. А образ этих «других» либо складывается более или менее спонтанно, на основе массовых представлений и мифов, либо они прямо «назначаются» властями как по этническим, так и по иным признакам [Volkan 1988: 201; Ochberg 1988].

Пожалуй, наиболее успешным примером адекватного осознания данной опасности и постоянной работы по предотвращению ее возможных рецидивов может служить Федеративная Республика Германия [Баум 2015], хотя даже там это, как мы видим, не всегда полностью избавляет от всплесков межгрупповой вражды и агрессивного неприятия «других».

² Понятие идентичности, его различные интерпретации и весь комплекс связанных с этим проблем приобрели за последние полвека значительную и, на мой взгляд, соответствующую своей важности популярность, причем не только в психологии, но и в сопредельных с ней науках о человеке. А само слово стало едва ли не мантрой [Из последних обобщающих работ по теме см., напр.: Фукуяма, 2019].

³ Это, в частности, непосредственно связано с проблемой люстрации (в нашем случае – с ее отсутствием), и является отдельной очень важной темой.

Постсоветская Россия тоже сделала кое-что в этом плане, но, к сожалению, гораздо меньше и более формально. В частности, у нас так и не произошло реальной десталинизации. А ведь политическая практика сталинщины базировалась на преследованиях как по классовым, идеологизированным, так и по этническим критериям. Хуже того, последнее время приходится видеть и открытую реинкарнацию и пропаганду сталинистской идеологической и политической парадигмы с неизбежно сопутствующими ей атрибутами насилия и жестокости. У нас насаждается реставрационная ностальгия по сталинским и вообще советским временам. Что мешает формированию чувства коллективной вины, да и вообще движению мысли в данном направлении, и насаждаемый консюмеризм массового сознания, что, надо признать, впервые стало практически возможным в России за последний век, благодаря все-таки произошедшим, хотя и далеко не в лучшей версии, рыночным реформам, и привело к насыщению потребительского рынка товарами. Первые поколения россиян, получившие совершенно новую для себя возможность наслаждаться потребительскими благами магазинного товарного изобилия и т. п., оказались готовы пренебречь ради них либеральными и демократическими политическими ценностями, хотя в период перестройки и первые постсоветские годы подобный откат в прошлое представлялся мало вероятным.

По-видимому, сработала инерционность процесса культурных изменений, как минимум, на поколение отстающих от изменения материальных условий жизни. Возникающий межпоколенческий лаг при переходе к так называемому постматериальному обществу подробно описан в одночасье ставшей классикой работе Роберта Инглхарта «Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир» [Инглхарт 2018]. С концепцией Инглхарта в психологическом плане хорошо согласуется мнение участников IDI Фрэнка Очберга и Эда Шапиро о «трехпоколенном» цикле изживания травмы. На наш взгляд, оно отчасти объясняет и шокирующий феномен ностальгии по сталинизму в сознании части молодежи и лиц среднего возраста.

Одной из форм морально-политического возврата в логику времен сталинизма стал курс властей на криминализацию политических оппонентов, проявляющийся как на уровне законодательном (печально известные «антиэкстремистские» законы и законы об «иностранных агентах»), и на уровне правоприменительном – безнаказанном полицейском насилии по отношению к мирным гражданам – участникам мирных протестных акций даже случайных лиц – с последующей квазигирической «легитимацией» очевидно правонарушающих действий полицейских через суды. Нарастающий вал репрессий последних лет и даже месяцев – яркий тому пример.

А на уровне межнациональном не преодоленная и, следовательно, не излеченная травма служит постоянным питательным раствором для чувств враждебности и нетерпимости по отношению к «другим», к носителям иного группового этоса и культурных традиций. В предельном, но, к сожалению, весьма распространенном во время военных конфликтов, варианте происходит *дегуманизация*, обезчеловечение *врагов*. Иными словами, создается образ врагов как носителей набора негативных черт, делающих их как бы как не вполне людьми, что морально легитимирует по отношению к ним любые жестокости, создает морально-психологическую базу для политически ориентированных манипуляций и запугиваний «своих» якобы исходящими от «других» угрозами для их привычной национальной идентичности.

Если же вражда имеет межэтническую «подкладку», то жестокости и зверства по отношению к «другим» порой вообще выходят за грань воображаемого и не укладываются в рамки любой рациональной парадигмы человеческого поведения. Страшные примеры массовой жестокости, вплоть до бесчеловечности, принесли конфликты, происходившие на руинах распавшейся Югославии, особенно в Боснии. За пределами же нашего региона наиболее страшные акты массовых зверств происходили в последние десятилетия в африканских странах. Вспомним хотя бы волны геноцида в Нигерии и тотальный геноцид по отношению к народности тутси в Руанде в 90-е. Заметим, впрочем, что в последнем случае присутствовал и эле-

мент дегуманизации уничтожаемых: в лексиконе уничтожавших их хуту убиваемые тутси получили прозвище «тараканов».

Впрочем, «тараканизация» уничтожаемых врагов – лишь один из способов их дегуманизации. Есть и другие, внешне более безобидные. Например, этнические шутки и анекдоты. При этом формируемый образ «других» обычно имеет мало общего с реальностью. Как правило, он гипертрофирует одни черты, не замечает другие, придумывает третьи. Но психологически это не имеет особого значения. К тому же эти избранные «другие» превращаются в своего рода резервуар или мишень для проекции на них собственных недостатков и пороков, т. е. негативных черт «своих». А те «другие», состоящие из одних пороков и недостатков, монстры или недотепы, выглядят такими плохими, что избавляться от них не только не жалко, но даже полезно. Способы же «устранения» могут быть различными, варьируясь и меняясь в зависимости от обстоятельств – от всяческих процентных норм, запретов на профессии, создания территориальных гетто и до прямого физического уничтожения.

Правда, представляется, что концепт дегуманизации не вполне согласуется с тем известным обстоятельством, что особая, крайняя жестокость по отношению к «другим» проявляется в войнах не межгосударственных, а гражданских, когда непримиримыми врагами в одночасье становятся соседи и даже родственники, люди, десятилетиями жившие бок о бок, дружившие, имевшие общие интересы и т. д., вплоть до семейных брачных связей. При этом несогласия и противоречия между сторонами совсем не обязательно должны иметь политический характер. Американский политолог Стасис Калибас [Калибас 2019], анализируя масштабы, формы и, главное, мотивации насилия в гражданских войнах на примерах России, Греции, Боснии, Чечни, приходит к заключению, что этнические и идеологические различия в них – лишь камуфляж для своекорыстных и(или) защитных мотивов. В художественной литературе этот «оправдывающий» поворот сознания был описан еще в ранней советской литературе, например, в шолоховском «Тихом Доне» и фадеевском «Разгрома», а позднее был выражен в песнях В. Высоцкого.

А в более мягких формах, преимущественно на уровне не физического насилия, а негативных психологических установок и моральных конструктов, подобное происходит и в мирное время, в частности, в связи с массовыми миграциями и даже временными перемещениями представителей иных национальностей в другие страны в поисках заработка. Это можно наблюдать в широко распространенном на обыденном уровне негативном отношении к трудовым мигрантам, приезжающим в центральную Россию из государств Средней Азии. Оно, к сожалению, порой подогревается и действиями представителей власти. Сам же феномен возникает не только на уровне пусть и мифологизированного, нагруженного предрассудками, но все же сознания, но и на уровне подсознательном [Подробнее см., напр.: Covington 2017].

Одно из проявлений состояния посттравматизма общества – *посттоталитарный синдром сознания*. Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьезнее, чем представлялось многим еще недавно. Она проявилась в таких психологических феноменах как „стокгольмский синдром“, „виктимизация“, демонстративный суперконфомистский активизм, снижение или даже отключение чувства эмпатии по отношению к назначенным „врагам“ (что трагическим образом проявляется по отношению к гражданским жертвам боевых действий в Украине), безнаказанная вседозволенность в любых действиях по отношению к ним вплоть до массового физического уничтожения, для описания которой, думается, весьма подходит категория Ханны Арендт „банальность зла“. На разных уровнях посттоталитарный синдром проявляет себя в различных формах. Так, на уровне, политически (но отнюдь не морально) более продвинутом он выступает в формах политического цинизма, активистского суперконформизма, наглости как стиля политического поведения, агрессивного неприятия позиции и взглядов назначенных „других“ со стигматизацией их такими негативными клише как „пятая колонна“, „национал-предатели“ и пр. На уровне же массовом, обывательском ему

больше присущи синдромы „маленького человека“, „одинокого человека“, представление о политике как о деле, якобы имманентно грязном и с моралью несовместимом [Подробнее см.: Оболонский 2016: 76–77].

Национальная вражда через призму психоанализа

Психоаналитики исходят из того, в целом, разделяемого представителями и многих других областей науки, взгляда, что этничность как знак личной и групповой идентификации имеет корни не в природе, а лишь в головах людей. Иной, „генетический“ подход к определению наций преобладал вплоть до середины прошлого столетия. Но нацизм отрезвил людей. Для военного и последующих поколений европейцев слова „национальный дух“, „почва“, „национальная идея“, „расовая чистота“ и т. п. стали ассоциироваться с лагерными вышками и газовыми камерами. К тому же серьезные этнографические и антропологические исследования показали, что такие считавшиеся незыблемыми индикаторы национальной общности как язык, история, культура не очень-то работают. и, во всяком случае, не очень годятся для формулирования универсальных признаков определения национальности. Лишь один индикатор оказался универсальным – самоотнесение себя человеком с той или иной национальностью, самосознание принадлежности к той или иной национальной общности. В здоровом обществе оно как бы приподнимает его, ставит на национальные котурны, придавая тем самым дополнительные основания для самоуважения через чувство причастности к успехам и достижениям соотечественников, сограждан.

Но при этом оно делает его и повышенно уязвимым в случае каких-либо национальных неудач, кризисов. И здоровое патриотическое национальное чувство тогда легко превращается во человеконенавистнический, враждебный к другим *национализм*. О злокачественной «лестнице национализма» писали в России многие, начиная еще от христианского философа конца 19 века Владимира Соловьева. В рамках же нашей темы кажется важным обратить внимание на часто присущую подобной ситуации психологию поиска «козла отпущения», когда причину собственных бед ищут не в себе самих, а в происках тех или иных чужеземцев, соседей, внутреннего «малого народа» и т. п. В этом психологически общем контексте стоят и взрыв агрессивного жестокого национализма в постсоциалистической Югославии, и, и, к счастью, не столь массовые, но тоже принесшие немало человеческих трагедий этнонациональные конфликты, сопровождавшие распад СССР, и даже коллизии того же времени в восточноевропейских и прибалтийских странах, которые хоть и далеко не доходили до убийств, но имели, по нашему мнению, в своей основе ту же этнофобную природу. Крах советской многонациональной империи открыл ящик Пандоры, из которого вылетели многочисленные исторические обиды и националистические фобии – и давние, и новые, а порой и отчасти сконструированные из конъюнктурных политических целей. И эксплуатация их стала едва ли не главным инструментом в политиканских играх. Межнациональная общность, лепившаяся властями СССР в течение семи десятилетий посредством широкого арсенала методов – от довольно гибкой культурной политики и целенаправленного формирования новых национальных элит и до близких к геноциду репрессий против целых наций, их массовых депортаций и насильственной ассимиляции – эта общность под названием «советский человек» оказалась симулякром и под влиянием политических перемен в одночасье осела и рассыпалась.

Один из парадоксов национализма видится в том, что, при всем показном самомнении его выразителей, на деле он камуфлирует глубоко запрятанный *комплекс неполноценности*. А комплекс этот бывает как агрессивным, так и, напротив, защитным, боязливым. Последний вариант обычно присущ малым нациям, не чувствующих в себе духовных и материальных ресурсов для сопротивления культурной ассимиляции и политическому поглощению со стороны наций более сильных. Но порой он проявляется и у таких этнических и культур-

ных гигантов, как русская нация, что находит отражение и в идеологеме «особого пути» [см., напр.: Травин 2018], и в тенденциях изоляционизма, в «западобоязни» и враждебности к внешнему миру. Впрочем, непроходимой границы между агрессивным и защитным видами комплекса нет. Они ситуативны и легко переходят один в другой. И то, и другое связано с посттравматическим состоянием

При том сама травма объективно может быть как вполне реальной, очень тяжелой по своим последствиям для страны и людей, с до сих пор не утихшей болью (в нашем случае это отечественная война), так и не слишком тяжелой, и даже мифологизаторски сконструированной из событий, давно покрытых патиной времени (так, в Сербии эту роль выполнило поражение их армии в битве с османами на Косовом поле, состоявшейся более шести (!) веков назад, о чем до обострения косовского конфликта рядовые граждане Югославии, подзреваю, немного знали и, уж определенно, мало думали). Но, независимо от реальности, и свежие, и давние, и даже отчасти придуманные травмы в определенных обстоятельствах становятся важнейшим фактором, определяющим психологическое состояние больших национальных групп. Поэтому весьма важным представляется предложенное Вами Волканом обозначение данного феномена как **избранной общей травмы** (*chosen common trauma*). Согласно его концепции, избранное и признаваемое общей трагедией событие заставляет большую группу людей (в нашем случае этническую) почувствовать себя униженной жертвой действий «других». Психологизация и мифологизация «рокового» для членов группы события как бы встраивает его образ в самую основу самоидентификации. И с того момента, как реальная травма трансформировалась в «избранную травму», подлинные исторические факты перестают играть какую-либо серьезную самостоятельную роль. Сохраняет важность лишь их психологическое преломление как порой центрального стержня чувства этнической общности. Иногда указывают в качестве примера этого лапидарное израильское «Never again». Думаю, читатели журнала без труда найдут множество эмпирических подтверждений данного феномена в окружающей действительности.

С этим связана психологическая неспособность позитивно оплакать и, тем самым, в конечном счете, как бы «похоронить» травму, каким-то образом примирившись с произошедшим. Подобная *неготовность к адаптации к новой ситуации*, по мнению Волкана, влечет за собой и практические негативные последствия. Будучи слишком униженной либо, напротив, слишком непримиримой к нанесенному травму врагу, группа оказывается неспособна к компромиссу. Например, в политике это проявляется в отказе от самой возможности какой-либо территориальной уступки бывшему противнику. Причем реальная ценность спорной территории не важна. Она приобретает символическое, едва ли не сакральное, значение, причем для обеих сторон конфликта, переходя от поколения к поколению. Примером подобного тупика может быть, на мой взгляд, уже более чем полувековое политическое топтание вокруг вопроса о принадлежности четырех северных островков Курильской гряды, что несет обеим странам массу проблем, блокирует решение гораздо более важных вещей, но остается для политиков и с той, и с другой стороны, не подлежащей пересечению символической «красной линией»

Вообще классический психоанализ довольно мрачно смотрел на человеческую природу. Он исходил из имманентности агрессивных инстинктов человека. Когда Альберт Эйнштейн спросил Зигмунда Фрейда, существует ли какой-либо способ уберечь человечество от угрозы войн, тот ответил, что бесполезно пытаться управлять агрессивными наклонностями людей, и что конфликты между ними редко разрешаются без насилия, добавив, однако, что развитию цивилизации сопутствуют определенные модификации в человеческой психике, благодаря которым в перспективе возможны частичное замещение агрессивных инстинктов и даже некий контроль над деструктивными импульсами. Но в современном психоанализе, о котором в статье идет речь, исходная фрейдовская схема критически дискутируется и модернизируется. В целом

он более оптимистичен в оценках возможностей и перспектив излечения от негативных импульсов. Вытекающим из этого позитивным моментам посвящена следующая часть статьи.

Психологические аспекты лечения этнотравм

Перейдем теперь к возможностям хотя бы частичного психологического излечения от данного типа травм. Да, с точки зрения рассмотренной школы психоанализа существует базовая психологическая потребность во враге как стабилизаторе чувства собственной идентичности. Но есть и другая, противоположная сторона концепции – равнозначная, и тоже базовая, **потребность иметь союзников. А еще лучше – друзей.**

В философском плане об этом говорилось еще задолго до Фрейда. Так, Петр Кропоткин развивал мысль, что, наряду с дарвиновским законом борьбы за существование (заметим, что сам Ч. Дарвин не касался аспектов, связанных с борьбой внутривидовой, это уже «заслуга» последующего социал-дарвинизма), в природе как бы в противовес ему действует и закон кооперации, взаимопомощи. Он даже написал книжку под названием «Взаимопомощь как фактор эволюции»⁴, где обосновывал взгляд, согласно которому не борьба, а именно взаимопомощь служила главным двигателем прогресса человечества, в том числе и морального, и что дальнейшая эволюция человека должна двигаться именно в таком направлении. Мне кажется, что эта красивая и оптимистичная гипотеза в определенном смысле согласуется с психоаналитической теорией о потребности иметь как врагов, так и друзей. На ее основе авторы, о которых выше шла речь, и пытаются строить между травмированными группами «мосты» в их коллективном сознании. Таким образом, деструктивное получает шанс превратиться в позитивное. Но для этого нужно изменить характер подхода к прошлому, его событиям, трагедиям и победам.

Поясним на примере одной выставки, посвященной Второй мировой войне. Она называлась *«Разные войны»* и экспонировалась в нескольких европейских городах и странах, в том числе, в Москве. Ее основная концепция была – продемонстрировать, на примерах России, Польши, Литвы, Германии, насколько различно события Второй мировой войны освещаются в разных странах. При этом речь не об искажении или замалчивании достоверных фактов. Это другая тема. Речь о социально-психологических аспектах, о том, какие именно из событий того времени в наибольшей степени отразились и закрепились в национальном коллективном сознании. И каким образом. В том числе, в школьных учебниках. Французский историк Майкл Ферро в книге «Как рассказывают историю детям в разных странах мира», описав целый ряд региональных, национальных, религиозных вариантов истории, приходит к выводу, что «Всемирной истории больше нет, потому, что она и была-то только миром Европы, кроившей ее на свой лад... других народов она касалась лишь мельком, поскольку их пути пересекались с путями Европы.» Его общее заключение напрямую связано с нашей темой: «Каждое общество, сталкиваясь с попытками умаления его истории, испытывает потребность в создании собственной, пусть и скрытой от глаз победителей... В этих условиях вытягивать «всемирную историю» из одного очага или даже из одного института – признак либо лживости, либо тирании. А свободе свойственно предоставить разным историческим традициям сосуществовать и даже бороться друг с другом» [Ферро 1992: 305–308]. Разные версии истории, по Ферро, включая контр истории, живущие, например, в сознании побежденных, в произведениях искусства, особенно в кинофильмах, или параллельные, порой даже устные, истории от лица «малых» народов – такая же реальность, как верования или власть.

Упомянутая выставка акцентировала не политические, а человеческие стороны войны, не «большую», а «малые» истории, делая упор на рассказы о судьбах конкретных людей.

⁴ Забавный парадокс – книжка была не только написана по английски, но и опубликована в Англии, а у нас была издана лишь в 90-е годы.

Каждая из историй была рассказом о человеческих травмах, в том числе – травмах психологических. Что, по мнению психологов, *формирует отношение к войне как к общей травме, способствуя совместному ее переживанию и, в конечном счете, примирению*. По крайней мере, на межличностном уровне. В психоанализе это называется – **адаптивное оплакивание** (adaptive mourning). Тем самым происходит, как минимум, один, но существенный, шаг к излечению травмы [Ochberg 1988]. «**Малая история**» способна лечить от травм, нанесенных историей большой – историей наций, государств, политических лидеров и, конечно, историей войн с маршалами и генералами в ролях главных героев либо главных злодеев. Перевод проблемы на человеческий, в частности, на межличностный уровень, на уровень «простых» людей, способен изменить к ней отношение. В данном контексте особый интерес представляет книга «Принудительный труд в третьем рейхе» [Принудительный труд... 2018], рассказывающая в форме иллюстраций и фотографий истории жизни трех женщин из Польши и Чехии, которые оказались «остарбайтерами» в трудовых лагерях нацистской Германии, но выжили в тяжелых и унижающих человеческое достоинство условиях принудительных работ. Показательно в этом плане и то, что ветераны, воевавшие в прошедших войнах по разные стороны фронта, при личных встречах обычно не испытывают и не выражают по отношению друг к другу особой вражды, а порой и ужасаются, обмениваясь словами типа: «А мы ведь могли убить друг друга!»

Следующий вопрос – **проблема вины и ответственности** за содеянное. Здесь тоже ситуация в постсоветских странах далека от позитивной психологической адаптации к новым реалиям и вызовам, к будущему. И Россия здесь не одинока. Поясним для начала на одном, но, наверное, самом страшном примере массовых преступлений против человечности времен войны – на ответственности за холокост. В массовом сознании жителей России, Украины, Литвы (в меньшей, но тоже значительной степени), Польши, **холокост – вина и преступления исключительно «других»**, врагов, тогда как мы сами-то были либо жертвами, либо героическими спасителями, либо (на худой конец) индифферентными к происходившему, или даже взаправду якобы неосведомленными о нем. Других модусов поведения граждан оккупированных стран как бы не существовало. Но из множества самых разных источников известно, что реальность была, увы, несколько иной. Без содействия немалого числа «помощников» из числа местных коллаборантов нацисты просто практически не смогли бы осуществлять геноцид евреев на оккупированных территориях в тех масштабах., в которых это было произведено. Думается, это косвенно подтверждают и послевоенные антиеврейские акции вплоть до погромов и антисемитская политика в нескольких восточноевропейских странах, особенно в Польше, а также последующее многолетнее преуменьшение, а порой даже замалчивание масштабов холокоста. (Не будем развивать здесь эту чрезвычайно болезненную тему. О ней много сказано и написано). Нам в данном случае важно обратить внимание на один момент, на вопрос морального характера – на **отсутствие готовности принять и на свой счет какую-то долю вины и ответственности** за происшедшее. Пусть малую и даже символическую. Но это чрезвычайно существенно и с точки зрения психологических последствий.

Разумеется, новые поколения не могут и не должны отвечать за события, произошедшие задолго до их появления на свет. Однако **мы ответственны за нашу сегодняшнюю позицию по отношению к истории**. И Холокост – лишь один из примеров. Есть и другие.

В макрополитическом плане здесь буквально напрашиваются две темы: мюнхенское соглашение британского премьера Чемберлена с Гитлером и пакт Молотова-Риббентропа. Первое давно получило неизменную оценку как трагическая политическая ошибка, за которую Англия всеми возможными способами не перестает извиняться устами уже нескольких поколений политиков. Так, Маргарет Тэтчер спустя полвека после «мюнхена» во время визита в Чехословакию, в речи в Праге, в Федеральном собрании страны, очередной раз извинилась за действия своего далекого предшественника Невилла Чемберлена: «Мы подвели вас

в 1938 г., когда разрушительная политика умиротворения позволила Гитлеру покончить с нашей независимостью. Черчилль поспешил разорвать Мюнхенское соглашение, но мы до сих пор вспоминаем это со стыдом» [Цит. по: Рикс 2019: 171]. У нас же отношение к пакту Молотова – Риббентропа менялось и продолжает меняться достаточно кардинально в зависимости от текущей политической конъюнктуры – в диапазоне от его полного одобрения в советские времена как якобы гениального политического маневра, к полному его осуждению в перестроечные и после перестроечные времена как аморального и ошибочного политического акта, и обратно – к его политической реабилитации в несоветском духе во времена нынешние. Это, на мой взгляд, напрямую связано с вопросом о нашей **ответственности перед историей и за ее толкование**. И, полагаю, наше сегодняшнее отношение к прошлым ошибкам и преступлениям и осознанию коллективной вины тесно связано с концепцией «разных войн» и, соответственно, с их существенно различным восприятием и интерпретацией в массовом сознании жителей разных стран.

Правда, следует признать, что модные одно время формальные извинения политиков за действия их предшественников, хотя и несут важный символический месседж на уровне «большой политики», но на уровне психологическом особого эффекта не имеют. Мы имели неоднократную возможность убедиться в этом в первой половине 90-х, когда проводили многонациональные круглые столы в возрожденных странах Балтии. Там, хотя участники с российской стороны неоднократно, в разных контекстах и формах произносили извинения за советскую оккупацию и другие государственные преступления сталинского времени, это не встречало с другой стороны ни их принятия, ни, тем более, готовности к прощению. Возможно, в те годы для подобных шагов еще не пришло время, травмы были слишком свежи. Здесь уместно опять вспомнить об идее Фрэнка Очберга о трехпоколенном цикле оплакивания травм.

Возвращаясь к идее адаптивного оплакивания, думаю, что оно может быть действенным лекарством при смене образа «козла отпущения», «назначаемого» ответственным за наши беды и несчастья. В России, в Восточной Европе, да и не только, в этой роли обычно выступал и выступает либо один из соседних этносов, либо русский народ как системообразующая имперская нация, либо советский режим. Иногда используются сразу все три мишени или, по крайней мере, две из них. Надо признать, что образ врага в ряде случаев отнюдь не вымышлен. Основанные на исторических травмах и обидах резоны есть у каждой из позиций. Однако, как представляется, достигнуть адаптивного оплакивания, т. е. принятия травмы как тяжкого, но уже закончившегося события, возможно лишь в последнем варианте, где козлом отпущения выступает господствовавший в стране режим. Главным мотивом его мола бы стать тема: «Все мы – общие жертвы одного Молоха; но теперь его больше нет, и мы, обогащенные тяжело оставшимся нам пониманием кошмара тоталитаризма и освободившись от него, создаем новое общество, основанное на иных принципах». Разумеется, объективно в такой позиции есть элемент идеализации, упрощения реальности. И сама реальность была сложнее [См., напр.: Юрчак 2019]. И призраки прошлого по-прежнему витают над нами, а то и возвращаются в, увы, весьма конкретных формах и проявлениях. Но для надежды на выздоровление от посттоталитарного синдрома подобная психологическая установка представляется оптимальной, ибо лишь она позволяет обрести чувство разделяемой общей травмы, которое бы объединяло разные по другим параметрам группы. «Тризна» по СССР и подобным ему режимам в восточноевропейских странах могла бы стать для всех интегрирующим, объединяющим фактором. К сожалению, этого не произошло. А с некоторого времени мы ускоренно проходим дорогу в обратном направлении

Мне кажется, что, наряду с тризной, с траурным переживанием прошедших национальных трагедий, в каких-то случаях лечением может стать и, казалось бы, противоположная вещь – **смех, издевательская насмешка** над былыми политическими лидерами и «властителями дум». Скажем, над Гитлером, Сталиным, авторитарными диктаторами того времени

в странах Восточной Европы и (или) их соратниками, окружением, ироническая демонстрация их интеллектуального и морального ничтожества. Насколько мне известно, о гитлеризме и самом Гитлере есть немало книг и фильмов подобного жанра. Мы же с преодолением сталинизма и в этом отношении продвинулись значительно меньше. Более того, на насмешки подобного рода даже наложено своего рода цензурное табу: вспомним хотя бы прямой и немотивированный запрет на выпуск на российский экран сардонической английской комедии «Смерть Сталина».

Еще один способ лечения – переход **от «избранной травмы» к «избранной славе»**. Ведь у каждой нации есть не только, над чем скорбеть, но и чем гордиться, основания не только для национальной скорби, но и для чувства гордости за те или иные успехи, победы, достижения. Это могут быть и военные победы, и успехи на пути демократического развития, и спортивные победы, и достижения ученых, деятелей искусства и т. д. А когда такие успехи достигаются в процессе сотрудничества двух или нескольких союзных странам или их граждан, объединившихся для достижения общей цели, это может стать мощным интегрирующим фактором, способствующим взаимопониманию, уважению и, в конечном счете, преодолению вражды. Классика подобной ситуации – сотрудничество и совместная победа в войне, особенно над таким общепризнанным злом, как фашизм. К сожалению, после окончания Второй мировой войны альянс союзников распался, уступив место почти полувековому противостоянию, а память о нем лишь эпизодически возрождалась в ограниченном виде, например, в духе встреч ветеранов «Нормандия-Неман». Да и сейчас предпочитают не о сотрудничестве вспоминать, а стремятся возвеличить свою страну как главного, если не единственного, победителя, принижая вклад других союзников, в частности, используя, в качестве весьма странного аргумента, число потерь своих граждан по сравнению с другими, словно количество погибших – главный критерий для оценки вклада в общую победу.

И все же такой обнадеживающе позитивный подход не утопичен. Об этом, в частности, напоминает, советско-американский космический проект «Аполлон-Союз», успешно работавший в, казалось бы, мало подходящий период, в годы очередного обострения «холодной войны». Да примеров можно найти немало в самых разных областях: в научном, культурном, экономическом, экологическом сотрудничестве и т. д. И в каждой из названных сфер важны не только общие соглашения на уровне государств или иных больших структур, но и межличностные контакты между непосредственными участниками. Ведь в процессе серьезного сотрудничества возникает особая психологическая атмосфера, и по-настоящему погрузившись в нее люди вряд ли станут потом «стрелять» друг в друга, даже в метафорическом смысле. Думается, до какого-то момента позитивную роль в этом плане могло сыграть ежегодное шествие в день Победы «бессмертного полка» и другие связанные с этим мероприятия, причем не только у нас, но, хотя и в несравнимо меньшем масштабе, в Израиле, а также странах антифашистско коалиции. По своей изначальной идее оно обладало значительным, но лишь частично используемым позитивным объединяющим психологическим потенциалом. Хотя на практике и здесь, к сожалению, произошла его профанация и превращение в инструмент конъюнктурных политических спекуляций.

Разумеется, всегда возможны и манипуляции, и спекуляции, и провокации. От них трудно совсем уберечься. Но они подчинены совсем иной логике, нежели та, о которой идет речь. В рамках концептов социал-дарвинизма и геополитики неизбежность вражды и борьбы как якобы имманентных свойств человеческой природы муссируется даже не без некоего удовлетворения. Но, на мой взгляд, **социал-дарвинистский, присущий геополитике взгляд на человечество – крайне опасный вид ложного сознания**. Представление о мире лишь как арене «внутривидовой» борьбы государств и идеологий, в которой хотя и меняются задачи, промежуточные цели, методы, но не сама суть: народы – враги, мир – ринг, государства – бойцы на нем и т. д., этот геополитический фантом стоил человечеству двух мировых и множества «малых» войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с «внутренними

врагами», и принес гигантскому числу миллионов людей в большинстве стран мира неисчислимые беды и страдания. Мне представляется неизмеримо более конструктивным и обнадеживающим взгляд Петра Кропоткина на человеческое взаимодействие не как на борьбу, а как на сферу сотрудничества и взаимопомощи. Не случайно мы упомянули выше его книгу, посвященную данным сюжетам. А аргументам от имени торжествующей силы и жестокости, а также о банальности зла, противостоят, по меньшей мере, в моральном и психологическом плане, представления о двойственной природе человека, о его способности к творческому добру и даже о «банальности героизма» [Зимбардо 2013], лежащие в основе как всех мировых религий, так и главных философских и политических доктрин, о готовности осознанно принимать на себя риски, а порой и неизбежные неприятности и потери ради сохранения чувства собственного достоинства и(или) солидарности со своей референтной группой. Нисколько не претендуя здесь на дальнейшее погружение в эту фундаментальную мировоззренческую тему, напомним в данной связи лишь диссидентский лозунг Вацлава Гавела о «силе бессильных» (power of powerless), а также мысль о *прагматике политического идеализма*, ставшую заголовком и содержанием одной важной книги девяностых годов [Ковалев 1999].

Обозначенная проблематика отнюдь не исчерпывается обсужденными аспектами. Есть ряд и других, имеющих важное значение в практике международных и межнациональных переговоров. Например, это так называемый «**нарциссизм малых различий**», при котором представители наций, близких культурно, этнически, исторически, как бы вопреки этому, склонны подчеркивать и даже выпячивать свои объективно небольшие различия из боязни потерять свою идентичность, опасаясь быть ассимилированы какой-либо другой, представляющей более сильной и, как правило, географически соседней, нацией. Психологически интересен и столь часто возникающий на переговорах «эффект аккордеона», когда стороны переговоров периодически то сближаются, выводя на первый план общность интересов, близость происхождения, симпатии и т. п., то, напротив, максимально дистанцируются друг от друга, подчеркивая свою разность во всем, конфликтность интересов и иные, якобы непримиримые, различия. Порой, например, это символически подчеркивается нежеланием даже сидеть за одним столом переговоров или пожимать друг другу руки. Есть и многие иные аспекты символической политики.

И, конечно, никуда не уйти от проблемы исторической вины и ответственности за преступления прошлого. Возможно, это тема – одна из ключевых и в психологическом плане. Но уже не для этой статьи. Да одними статьями ее и не решить.

Баум Г. 2015. *Спассти права граждан*. – М.: Фонд Фридриха Наумана.

Зимбардо Ф. 2013. *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев*. – М.: АНФ.

Инглхарт Р. 2018. *Культурная эволюция*. – М.: Мысль.

Калибас С. 2019. *Логика насилия в гражданской войне*. – М.: Пятый Рим.

Ковалев С. 1999. *Прагматика политического идеализма*. – М.: Институт прав человека.

Оболонский А.В. 2016. Политический цинизм: концепт, практика, альтернатива. – *Общественные науки и современность*. – № 2 – С. 76–77.

Оболонский А.В. 2018. Либеральная и бюрократическая ментальность и российская трансформация конца XX – начала XXI века – *Общественные науки и современность*, – № 4. – С. 47–57.

Принудительный труд... 2018. *Принудительный труд в третьем рейхе*. – М.: Post Bellum и Международный Мемориал.

Рикс Т. 2019. *Черчилль и Оруэлл. Битва за свободу*. – М.: АИФ.

Травин Д.Я. 2018. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Ферро М. 1992. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира.* – М.: Высшая школа.

Фукуяма Ф. 2019. *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия.* – М.: Альпина.

Эткинд А. 2016. *Кривое горе. Память о непогребенных.* – М.: НЛЮ.

Юрчак А. 2019. *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение.* – М.: Новое литературное обозрение.

Covington C. 2017. *Everyday Evils. A Psychoanalytic View of Evil and Morality.* – Publisher Routledge, L.

Enemies on the Coach... 2013. *Enemies on the Coach: a plyshopolitical journey through war and peace.* – Pitcstore Publishing, Durham, North Carolinfa

Ochberg F. 1988. *Post-traumatic Therapy and Victims of Violence.* – Brunner/Mazel. NY.

Volkan V. 1988. *The Need to Have Enemies and Allies. From Clinical Practice to Inrernational Relations.* – Jaron Aronson Inc. NJ, L.